

18+

Владимир Хлопков

# *Затонувшая звезда*



Владимир Хлопков

**Затонувшая звезда.  
Тайны затерянного города**

«Издательские решения»

**Хлопков В.**

Затонувшая звезда. Тайны затерянного города / В. Хлопков —  
«Издательские решения»,

«„Затонувшая звезда“ — приключенческий фэнтези-роман с элементами научной фантастики. Команда отважных героев отправляется на поиски затерянного города, скрытого под толщей воды, и сталкивается с тайнами древней цивилизации и космическими загадками. В переплетении подводных глубин и звёздных трасс героям предстоит сделать непростой выбор и бросить вызов силам, способным изменить судьбу мира. Для любителей захватывающих приключений и мистических тайн».

© Хлопков В.

© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Владимир                          | 7  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# **Затонувшая звезда Тайны затерянного города**

**Владимир Хлопков**

© Владимир Хлопков, 2026

ISBN 978-5-0071-1566-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



**Затонувшая звезда**

## Владимир

### Глава 1 (Архив НКВД -> Затонувшая цивилизация)

Арина Волкова вошла в фойе архива музея — тихий, пропитанный запахом старой бумаги и пыли уголок города, куда редко заглядывали посетители. Высокие потолки терялись в полумраке, а ряды стеллажей казались бесконечными, будто лабиринт, построенный не для людей, а для тайн.

Она шла быстро, но без суеты — привычная к долгим экспедициям, Арина двигалась с той особой собранностью, когда каждое движение выверено, а взгляд цепко ловит детали. Среднего роста (около 170 см), 25—27 лет. Стройная, но с отчётливо проступающей выносливостью в осанке, она казалась одновременно хрупкой и крепкой, как закалённая сталь. Русые волнистые волосы были стянуты в тугий пучок — никаких украшений, ничего лишнего. Только практично, только надёжно. По дороге она пару раз машинально поправила выбившуюся прядь, заправила её за ухо и тут же снова собрала, будто проверяя, всё ли на месте. Этот жест был почти ритуальным: пока волосы убраны — она в режиме работы, ничто не должно отвлекать.

В запасниках, среди полок, покрытых слоем пыли, где коробки стояли вкривь и вкось, будто их в спешке расставляли много лет назад, Арина заметила ящик, который явно выбивался из общей картины. Он был чуть выдвинут вперёд, словно кто-то уже тянулся к нему и вдруг отдернул руку. На крышке чёрной, местами облупившейся краской было выведено: «Не трогать. Совершенно секретно. Архив НКВД 1937».

Сердце на мгновение замерло, а потом забилось чуть быстрее. Не от страха — от предвкушения. Это был тот самый азарт, который она знала с детства: когда тишина шепчет, что за углом спрятано что-то важное.

Арина осторожно потянула крышку. Петли скрипнули, будто протестуя против вторжения в чужую тайну. Внутри, в полутьме, виднелся свёрток, завёрнутый в пожелтевшую ткань, пахнущую временем и затхлостью. Она достала его, бережно, как держат что-то хрупкое и бесконечно ценное.

Под тканью лежали три вещи. Первая — журнал экспедиции профессора Полежаева М. И. 1898 года. Кожаный переплёт потрескался, уголки стёрлись, но надпись на обложке всё ещё читалась. Вторая — старые карты маршрута, испещрённые пометками, линиями и стрелками, ведущими к местам, которых, возможно, уже не существовало на современных картах. А третья... третья заставила её задержать дыхание.

Пергаментный свиток, пожелтевший от времени, с обожжёнными краями, будто его буквально вытащили из огня. Арина осторожно развернула край — и в тот же миг по пальцам пробежал холодок, словно капля ледяной воды коснулась кожи. Не иллюзия, не игра воображения: холод был настоящим, резким, чужим.

«Это не просто старая бумага», — прошептала она, и собственный голос прозвучал в тишине странно, будто принадлежал кому-то другому.

Несколько мгновений она сидела, глядя на свиток, пытаясь унять дрожь в пальцах. Мысли метались: что это за язык? Почему края обожжены? И главное — почему этот ящик оказался именно здесь, в забытом углу архива, будто ждал её?

Наконец, Арина аккуратно завернула находки обратно, убрала в сумку и решительно направилась к выходу. Ей нужен был совет, и она знала, к кому идти.

Институт встретил её привычным гулом голосов, запахом кофе и старых книг. Проходя по коридорам, она почти не замечала окружающих — всё её внимание было сосредоточено на том, что лежало в сумке.

Кабинет профессора Марка Штерна находился в дальнем крыле, в той части здания, где шум города будто растворялся в стенах. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель пробивался тёплый свет лампы.

Марк сидел за столом, склонившись над какой-то рукописью. Высокий 35—38 лет, мощного атлетического телосложения — даже в спокойной позе чувствовалась тренированность, будто тело помнило команды и всегда оставалось наготове. При этом он слегка сутулился, будто тяжесть знаний давила на плечи. Тёмные волосы с лёгкой проседью на висках были коротко подстрижены, лицо — усталое, но не сломленное: в нём читалась та упрямая энергия, которая не даёт сдаваться даже после бессонных ночей. Карие глаза, внимательные и цепкие, скользили по строкам, а рука то и дело тянулась к переносице — привычный жест, будто он поправлял очки, которых не было.

Рядом на краю стола стояла кружка с давно остывшим кофе. Марк то и дело поглядывал на неё, будто надеялся, что напиток сам собой снова станет горячим. В какой-то момент он всё же поднялся, подошёл к маленькому электрическому чайнику в углу кабинета, налил кипятка в кружку, добавил ещё одну ложку растворимого кофе — привычка экономить время, даже когда спешить некуда. Пока вода шипела и булькала, он на секунду замер, прикрыл глаза, будто пытаясь стряхнуть усталость, а потом вернулся к столу.

— Марк, — тихо позвала Арина, останавливаясь в дверях.

Он поднял голову, и на лице мелькнуло удивление, быстро сменившееся тёплой, чуть усталой улыбкой.

— Арина? Что-то случилось? Или ты просто решила порадовать старика своим визитом?

— Не совсем, — она шагнула вперёд и поставила сумку на стол. — Я нашла кое-что. И мне нужно твоё мнение.

Марк выпрямился — и в этом движении проступила выправка, годами вбитая дисциплиной: никакой суеты, только чёткие, уверенные действия. Взгляд стал острее, будто в комнате внезапно похолодало.

— Что ты нашла?

Арина медленно достала свёрток и развернула ткань. Журнал, карты и, наконец, свиток легли на стол. Марк замер, его пальцы на мгновение сжались в кулаки, а затем он осторожно, почти благоговейно коснулся края пергамента.

— Откуда это? — спросил он тихо, не поднимая глаз.

— Из архива. Ящик с пометкой «Совершенно секретно». Там ещё дата — 1937 год.

Марк поднял взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на тревогу, смешанную с азартом.

— Ты понимаешь, что это может значить? — проговорил он, голос звучал непривычно серьёзно. — Это следы экспедиции Полежаева. То, что считалось утерянным. Он искал следы древней **Сибирской/Гипотетической Берингийской цивилизации. Которая** во времена последнего ледникового уровня моря ушла под воду, потому что были проведены исследования этой территории и выяснилось что между Чукоткой и Аляской был сухопутный мост (Берингия). Там могли существовать города, которые сейчас лежат на шельфе Чукотского и Берингова морей.

Арина кивнула, чувствуя, как внутри разгорается огонь предвкушения и тревоги одновременно.

— Я понимаю. И я хочу разобраться. Но мне нужна твоя помощь.

Марк откинулся на спинку стула, задумчиво провёл рукой по лицу, стирая усталость, и наконец улыбнулся — на этот раз шире, искреннее.

— Тогда давай разбираться вместе. Но сначала расскажи всё с самого начала. Каждую деталь.

И Арина начала рассказывать — о ящике, о пыли, о холоде, пробежавшем по коже, о том, как дрожали её пальцы, когда она разворачивала свиток. Марк слушал, не перебивая, лишь изредка кивал, а его взгляд становился всё более сосредоточенным. Время от времени он делал глоток кофе, морщился — напиток всё-таки был уже не горячим, но он продолжал пить, будто тепло кружки в ладони помогало ему собраться с мыслями.

Когда она закончила, он долго молчал, глядя на пергамент, будто пытаясь прочесть не буквы, а историю, скрытую за ними.

— Этот язык... — пробормотал он наконец. — Он не похож ни на один из известных мне. Но есть что-то знакомое в начертании символов. Будто отголосок чего-то древнего, давно забытого.

Арина наклонилась вперёд, ловя каждое слово.

— Думаешь, это может быть ключ?

Марк медленно кивнул.

— Возможно. Но ключ к чему — вот в чём вопрос.

Они переглянулись, и в этом взгляде мелькнуло то самое понимание, которое рождается только между людьми, объединёнными общей страстью к разгадке. Впереди их ждала не просто работа — а приключение, способное перевернуть всё, что они знали о мире.

Когда она закончила, он долго молчал, глядя на пергамент, будто пытаясь прочесть не буквы, а историю, скрытую за ними. Потом, не дослушав даже последних слов, он уже смотрел на свиток и постукивал пальцами по столу — ритмично, как будто отбивал какой-то внутренний такт, знакомый только ему.

— Ты понимаешь, куда это ведёт? — спросил он, не поднимая глаз. — К затопленной цивилизации. И если это правда, то там не только артефакты. Там... что-то живое. Ты уверена, что хочешь туда?

Арина не колебалась ни секунды.

— Я не могу оставить это лежать в пыли.

Профессор вздохнул, достал из ящика стола старую карту этого региона, стёр пыль с обложки и положил её рядом.

— Тогда нам нужны люди. И не просто люди.

Он не стал искать новичков. Вместо этого Марк достал старую записную книжку, стёр пыль с потрёпанной обложки и начал звонить тем, с кем когда-то ходил по самым тёмным углам мира. Их было трое — и каждый знал цену слову «надо».

Первым приехал и пришёл Борис. 35—38 лет. Кряжистый, мощный, с широкими плечами — настоящий человек-гора. Русые волосы были подстрижены в короткий «ёжик», а густая щетина почти переходила в бороду. Простое русское лицо, квадратный подбородок, серые цепкие глаза, которые, казалось, сразу высчитывали прочность любой конструкции. Если в руинах есть механизм-ловушка, он увидит его раньше, чем тот щёлкнет. Человек дела. Его коронная фраза при осмотре любого транспорта — проверка балок на прочность. Он первым делом окинул взглядом ангар, хмыкнул и бросил:

— Тут балка гуляет, её бы подпереть.

Арина невольно улыбнулась: если в руинах есть ловушка, Борис увидит её раньше, чем та успеет щёлкнуть. Как бывший сапёр и инженер спецназа, а ныне конструктор летательных аппаратов и испытатель, он отвечал за то, чтобы экспедиция не погибла от технических неполадок ещё до встречи с врагом.

Следом зашёл Андрей. 38—40 лет. Жилистый, пластичный, с экономными, почти кошачьими движениями. Его обветренное, загорелое лицо хранило спокойное выражение, а светлые глаза были холодными, как лёд сибирских рек. Русые волосы средней длины слегка растрепались от ветра. Сибиряк до кончиков пальцев, бывший следопыт и медик группы, он молча присел на корточки, провёл пальцем по полу, будто читая невидимые следы, и тихо произнёс:

— Ветер сегодня с севера. Если пойдём на рассвете, будет тише.

Арина вспомнила, что он ещё и хирург: человек, который умеет видеть детали там, где другие видят пустоту, и сохраняет ледяное спокойствие, когда время идёт на секунды.

Последним появился Виктор. 38—41 год. Идеальная военная выправка, сухие, тренированные мышцы, движения точные и выверенные. Тёмные волосы коротко подстрижены по-армейски, лицо красивое, но жёсткое, с волевым подбородком; губы обычно сжаты в тонкую линию. Очень тёмные, пронизывающие глаза смотрели так, будто мгновенно оценивали любую угрозу. Бывший командир группы спецназа, теперь он был ведущим инженером НИИ глубоководных аппаратов. Он не любил лишних слов. Встретившись взглядом с Марком, Виктор коротко кивнул:

— Я в деле.

Это означало, что у экспедиции будет не просто снаряжение, а техника, способная выдерживать давление, которое обычный человек даже представить не может. Виктор проверял крепления так же внимательно, как когда-то проверял растяжки мин, — с той самой тщательностью, которая спасала жизни.

Когда все трое собрались, Марк встал, выпрямился и произнёс ровно, без пафоса, но так, что каждое слово отдавалось внутри:

— Мы идём туда, где может быть опасно для жизни. И если кто-то не готов — скажите сейчас.

Никто не сказал ни слова. Только взгляды переметнулись друг на друга, и в этой тишине прозвучало самое надёжное «да», какое только бывает между теми, кто знает цену риску.

— Я поднял старые связи, — продолжил он тише. — Это не частная инициатива. Мы действуем под прикрытием Федеральной Службы Геологического Мониторинга. Все наши частоты зашифрованы спутниками Минобороны. Если внизу станет жарко — над нами через пятнадцать минут будет звено истребителей-перехватчиков. Но взамен...

Он посмотрел на команду. В его взгляде читалась тяжесть принятого решения.

— Взамен каждый ваш шаг пишется на жесткий диск Лубянки. И если мы найдем там оружие, о котором нельзя знать миру — правительство заберет его себе. Наша задача — найти первыми, изучить и решить, можно ли человечеству доверить эту силу. Или придется её уничтожить.

Виктор хмыкнул, возвращаясь к чертежам капсулы: «Значит, работаем официально. Хоть запчасти будут без задержки».

Арина посмотрела на мерцающий логотип проекта. Теперь их экспедиция имела вес целой державы, но цена этой поддержки — потеря свободы выбора. Солнце только-только начало разгораться на небосклоне, окрашивая края облаков в бледно-золотистый цвет, а группа уже была готова к выезду. В тишине раннего утра особенно отчётливо слышался лязг застёжек, скрип ремней и короткие, чёткие команды — будто сама тишина помогала им собраться без лишней суеты.

Они быстро загрузились в джип, который стоял у подъезда, — машина Марка, надёжная, выдававшая виды, с потёртыми сиденьями и запахом моторного масла, смешанным с запахом крепкого кофе. Мотор ровно заурчал, и машина покатила по пустым улицам к аэродрому во Внуково, где их ждал зафрахтованный ангар и самолёт Ан-12-грузовик) Классика советской полярной авиации. Четыре турбовинтовых двигателя идеальны для работы на морозе. Способный садиться на укатанный снег и лед.

В ангаре сразу стало шумно и деловито — будто пространство само подстроилось под ритм их работы. Борис первым делом окинул взглядом ящики, прикидывая, как они лягут в грузовом отсеке, и тихо хмыкнул:

— Если трясти будет сильно, эти ремни не выдержат. Перетянем.

Он тут же достал моток стропы и начал переделывать узлы — быстро, уверенно, без суеты, будто каждый узел был ловушкой, которую он обезвреживал заранее. В его движениях чувствовалась старая выучка сапёра: не пропустить ни одной мелочи, не оставить шанса случайности.

Андрей тем временем разложил на столе карту, прищурился и провёл пальцем по линии побережья, будто читая невидимые знаки ветра и течений.

— Ветер завтра будет с северо-запада, — проговорил он спокойно, почти про себя. — Если вылетим сейчас, на рассвете, то ещё к вечеру доберёмся до аэропорта Бухты Провидения. А там, если шторм нас не догонит, выходим на катере, думаю мы там найдём катер.

Борис внёс коррективы маршрута и сказал: Нам нужно будет дозаправиться и лучше всего это Якутск, так как он находится практически посередине маршрута. Здесь есть вся необходимая инфраструктура для обслуживания турбовинтовой авиации и заправки авиакеросином ТС-1.

Андрей аккуратно раскладывал аптечку: бинт, шовный материал, ампулы — всё по местам, будто готовился к операции. В этом была его особая тишина — тишина человека, который знает, что секунды решают всё.

Виктор молча стоял у чертежа глубоководного модуля, постукивал карандашом по стеклу и бормотал себе под нос:

— Давление там будет такое, что обычная капсула сплющится. Но у меня есть вариант...

Он уже мысленно подгонял детали, прикидывал, как модуль выдержит не просто погружение, а то, что ждёт их внизу — холод, тьму и тяжесть воды, способную раздавить всё, что не было создано для бездны.

Арина держалась чуть в стороне, не мешая, но и не отстраняясь. Она держала в руках свиток — не разворачивая, просто чувствуя его тяжесть, будто через пальцы пыталась уловить отголоски той эпохи, когда его писали. Холодок, едва ощутимый, всё ещё пробегал по коже, напоминая, что это не просто старая бумага.

Когда все грузы были бережно, но быстро загружены, команда стала подниматься на борт. Борис сел за управление самолётом, привычно осяпывая рычаги, будто проверяя, дышит ли машина. Виктор занял место второго пилота, а Андрей занял место штурмана, его пальцы уверенно легли на приборы, словно он уже видел невидимые линии маршрута. Остальные разместились в удобных креслах вдоль бортов, пристегнулись, и самолёт мягко начал выруливать на взлётную полосу.

После непродолжительного разгона он плавно взмыл над аэродромом и пошёл прямым курсом к точке посадки.

\* \* \*

Первые часы полёта тянулись в ровном гуле турбин и мягком свете приборной панели. Самолёт пробивал облака над Центральной Россией, и внизу, под крылом, тянулась бесконечная зелёная тайга, похожая на густой ворс огромного ковра. Постепенно лес сменялся бурой холмистой тундрой Полярного Урала — земля будто теряла краски, становясь строже и суровее.

Где-то над Салехардом они пересекли полярный круг, и пейзаж под ними окончательно превратился в суровую мозаику: серые сопки, редкие озёра, похожие на осколки зеркала, и длинные тени, тянущиеся по земле, словно пальцы, пытающиеся удержать уходящее солнце.

А потом появились «чёрные дыры» — термокарстовые озёра Чукотки, идеально круглые, с тёмной, почти непрозрачной водой. Они казались следами неведомых ударов, оставленными временем. Арина смотрела в иллюминатор, не отрываясь, будто пыталась угадать в этих пятнах очертания затонувшего города.

По мере приближения к Восточно-Сибирскому морю связь начала пропадать, а GPS — периодически сбивать из-за близости магнитного полюса. Сигналы то появлялись, то исчезали, будто мир вокруг них становился менее предсказуемым, менее покорным приборам.

И вот, среди серых сопок, внезапно появилась посадочная полоса аэропорта — узкая созданная из плотных галечно-грунтовых оснований нить, обрывающаяся прямо в океанскую дымку, будто край земли. Самолёт мягко коснулся полосы, пробежал по полосе и замер.

\* \* \*

У ангаров их уже ждал старый гусеничный вездеход — ГТ-Т, «гэтэшка», потрёпанная, но крепкая, с характерным запахом горячего металла и солярки. Виктор первым запрыгнул в кабину, проверил рычаги, кивнул:

— Пойдёт.

Дорога шла по болотистой тундре, где не было ни одного дерева, только карликовые берёзки по колено, мох и хруст ягеля под гусеницами. Воздух пах солью и озоном, будто сама земля здесь была ближе к морю и небу, чем к привычному миру.

По пути они проехали мимо — одинокого жёлтого здания, мигающего красным маячком, словно предупреждая: дальше начинается территория, где правила диктует природа.

Через полчаса они добрались до бухты Комсомольская, стоявшего на узкой песчаной косе. С одной стороны тянулась мелководная лагуна, с другой — посёлок Провидения. На вопрос о катере, местные жители подсказали где можно найти катер.

Теперь нужно было выбрать, где искать катер. Они поехали вдоль берега, туда, где скалы уходили в чёрную воду, а берег был усыпан выброшенным плавником — смерзшимися брёвнами, похожими на обломки старых кораблей.

Именно здесь, между камней, и стоял катер Киры — незаметный, будто слившийся с берегом. Над рубкой был натянут синий пластиковый тент, на корме гудел дизель-генератор, питая лебёдку и прожекторы. Рядом, прямо на мокрых камнях, лежали бухты армированного троса, пустой каркас подводного дрона и аккуратно разложенные пробы грунта.

Из радиоприёмника сквозь треск белого шума прорывался голос:

— Ржавый-один вызывает материк... частота дельта... приём...

Первой их заметила Кира. Она стояла у борта, проверяя узлы так, будто от них зависела жизнь. На вид ей было около тридцати. Красивая молодая девушка, высокая, гибкая, со спортивной фигурой гимнастки, двигавшаяся с хищной грацией обительницы моря. Лицо с высокими скулами обветрено ветрами до бронзового оттенка. Глаза — янтарного цвета, раскосые, настороженные, следящие за каждым движением гостей. Черные как смоль волосы заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо, но несколько прядей выбились и прилипли к влажному лбу.

Старый браслет из ракушек на левом запястье (она постоянно касается его пальцами, когда нервничает). встретила их в тяжёлом прорезиненном плаще, лицо закрыто тактическими очками от ледяного ветра. Она не тратила время на приветствия — только молча указала рукой на эхолот. На экране сонара, в трёх милях от берега, проступала идеальная геометрическая сетка на глубине ста метров — чёткие линии, слишком правильные для природы: улицы города, который никогда не должен был оказаться под водой вечных льдов.

Марк подошёл ближе, всмотрелся в линии, будто пытаясь прочитать в них историю, и тихо произнёс:

— Вот она... затонувшая звезда.

Арина подошла первой: «Нам нужно к точке погружения. Мы заплатим». Кира усмехнулась, но в глазах не было веселья: «Все платят. А море не берёт деньги. Сегодня оно не хочет, чтобы кто-то шёл туда». Она помолчала, посмотрела, как Борис молча проверяет крепления их ящиков, и чуть расслабилась: «Ну, хоть кто-то знает, что делает».

Марк Штерн шагнул вперёд: «Мы знаем, куда идём. И мы знаем, что это опасно. Но нам нужно туда попасть». Кира покачала головой: «Я не повезу вас просто так. Я отвезу, но вы возьмёте меня с собой хотя бы до входа. Я должна своими глазами увидеть, есть ли там что-то под водой. Если это правда... если город существует... то сюда придут чужие, и мой берег перестанет быть моим. Но я не могу больше жить с вопросом: а вдруг это не сказки?»

Андрей тихо сказал: «Если море начнёт меняться — ты первая это увидишь. И скажешь нам». Кира посмотрела на него, будто проверяя, всерьёз ли он это говорит, и наконец кивнула: «Хорошо. Но если я скажу „стоп“ — мы останавливаемся. Даже если вы уже будете стоять у входа».

Виктор молча проверил, как закреплена лодка, и коротко бросил: «Держим дистанцию. И держим слово». Арина протянула Кире руку: «Договорились. Ты ведёшь. Но мы идём вместе». Кира завела мотор, и берег начал медленно отдаляться, растворяясь в холодном тумане. Когда они отплыли, Арина заметила, как Кира в последний раз оглянулась на берег — будто прощалась с чем-то очень родным». Лодка качнулась, разворачиваясь носом к открытому морю, и отошла от берега на несколько десятков метров. Как внезапно над вершиной скалистого острова воздух дрогнул, словно от жара. Пышная зелень на плато подсветилась изнутри неестественным, пульсирующим светом.

— Что за...? — Борис первым вскинул голову, забыв про крепления.

Из самой вершины горы, прямо из того непонятного строения, ударил в небо тонкий, ослепительно-белый луч. Он не рассеивался в воздухе, а бил вертикально вверх, пронзая низкие облака. Прошло ровно десять секунд — и луч погас. Через паузу он вспыхнул снова, точно метроном, отсчитывающий время до чего-то неизбежного.

Виктор опустил бинокль. Его лицо было напряженным. «Это не отраженный свет луны, — тихо сказал он. — Это активная передача данных. И частота импульсов совпадает с тем сигналом, который мы перехватили в обсерватории месяц назад».

Арина смотрела на исчезающий в тучах луч, сжимая холодный свиток во влажной перчатке. Экспедиция Полежаева нашла город. Но город всё ещё был жив. Лодка качнулась, разворачиваясь носом к открытому морю.

Первым аномалию заметил Андрей. Он молча стянул перчатку и опустил пальцы за борт. Затем достал компактный термометр. — Плюс восемнадцать, — тихо произнес он, сверяясь с датчиком. — При забортной температуре воды плюс два.

Арина подняла голову. Она ожидала увидеть голые базальтовые скалы, присыпанные снегом. Но то, что проступало сквозь пелену над вершиной острова, заставило её затаить дыхание. Там не было льда. Склоны горы покрывал густой, влажный мох глубокого изумрудного цвета, среди которого пробивались огромные листья папоротников. А выше, цепляясь за расщелины, ползли лианы с яркими, незнакомыми цветами. Воздух здесь пах не солью и йодом, а прелой землей, сладким нектаром и озоном, как после грозы в джунглях.

Где-то высоко в кронах невидимых деревьев внезапно запела птица — переливчатая, сложная трель, совершенно невозможная в этих широтах. Борис непроизвольно положил руку на приклад своего карабина, оглядывая зелень через оптический прицел.

— Микроклимат, — выдохнул Виктор, убирая датчик. Как будто мы сейчас сидим внутри печи.

Этого не может быть, — прошептала Арина. — Может, — хмыкнул Виктор, убирая свой тепловизор. — Смотрите на воду. За нами она замерзает, а здесь парит. Источник тепла внизу колоссальный. Мощнее любого подводного вулкана. И он точечный. Марк Штерн посмотрел на экран эхолота. Вода вокруг острова светилась теплым желтым цветом, образуя четкий круг радиусом в две мили. За этой границей цвет резко менялся на мертвенно-синий. — Граница раздела сред, — сказал профессор. — Теплое течение не выходит наружу. Оно замкнуто. Они

превратили целый фьорд в аквариум. Идеальная среда для консервации органики... и для обороны.

— Кто «они»? — спросила Арина, не отрывая глаз от зеленого склона. Профессор поправил очки и впервые за долгое время позволил себе улыбнуться: — Те, кто создал этот отдельный мир среди ледяного континента.

**Кира мастерски провела лодку сквозь узкий проход между двумя черными базальтовыми столбами, охранявшими вход в лагуну. Двигатель стих. Звук здесь казался оглушительным — это был шум ветра в густой листве и плеск воды, которая больше не сковывалась льдом.**

Нос лодки с глухим стуком ткнулся в гальку. Виктор молча проверил крепления ящиков — привычка сапера никуда не делась.

Арина прыгнула в воду первой. Ботинки тут же намокли выше щиколотки, но холода она не почувствовала — вода действительно была почти горячей, словно её грели изнутри трубы теплосети. Она подняла голову.

Над ними возвышалась отвесная стена горы. И там, на самой вершине, куда даже при идеальной погоде было страшно смотреть, угадывались очертания строения. Оно не походило ни на храм, ни на маяк. Геометрия была слишком строгой, слишком... инженерной. Словно огромный кристалл или антенна связи намертво вросла в гранит миллионы лет назад.

— Альпинистов среди нас нет? — хрипло спросил Борис, задрав голову и оценивая угол нависания скалы. — Там отрицательный уклон. Мы уберемся еще на подходе.

— Скалолазание отменяется, — Марк Штерн достал из защитного кофра пульт управления. Из недр лодки с тихим жужжанием выдвинулся стыковочный узел. — Подъемную технику мы развернем позже. А пока...

Он нажал кнопку. С легким свистом в пасмурное небо взмыл компактный квадрокоптер. Черная машина зависла над их головами, транслируя картинку на планшет профессора. Камера с зумом стремительно рванула вверх, пробиваясь сквозь ключья тумана.

На экране возник вид сооружения вблизи. Идеально гладкие, матовые панели без единого шва. Никаких колонн или ступеней. Только ровные пазы, идущие по периметру.

Андрей присвистнул, глядя через плечо Марка: — Это не строили. Это *выращивали*. Как коралловый риф. Или печатали на молекулярном принтере.

Арина смотрела на экран, сжимая в кармане холодный свиток. Они нашли берег. Но путь вверх все еще оставался закрытым. — Ладно, — Марк Штерн опустил планшет с трансляцией дрона. — С первым осмотром пока закончено. Давайте разбивать лагерь.

Работа закипела быстро и деловито сказывалась выучка спецназа. Борис выбрал площадку чуть поодаль от линии прибоя, где базальт образовывал естественный козырек. Через пятнадцать минут на мху уже стояли два купольных модуля защитного цвета. Они не были похожи на обычные туристические палатки: матовый композит отражал тепло, а внутри тихо гудели системы климат-контроля.

Андрей молча собирал хворост у самой границы зеленого оазиса, но не для костра. Он раскладывал сухие ветки геометрическим узором вокруг стоянки — старая привычка следопыта обозначать территорию.

— Зверья крупнее птицы я не видел, — доложил он, вернувшись. — Но датчики движения лучше поставить. Местная фауна может быть слишком мелкой, чтобы её заметить глазом.

Виктор тем временем разворачивал антенну спутниковой связи. Он закрепил треногу на камне, направил тарелку точно в зенит и откинул крышку защищенного ноутбука. — Пеленгую Лубянку, — буркнул он. — Канал открыт. Если что — поддержка будет. Только учтите, господа ученые, их спутники видят сквозь эти джунгли как через стекло. Мы здесь не невидимки. Арина присела на край раскладного стула, всё ещё не выпуская свиток из рук. Ткань, в которую он был завернут, пахла пылью и чем-то сладковатым, будто старым мёдом. Она осторожно

развернула край ещё на пару сантиметров — и на желтоватой поверхности проступили тонкие линии, похожие на трещины. Но стоило ей задержать взгляд, как линии начали едва заметно пульсировать, словно под кожей бежали жилки.

— Марк, посмотри, — голос Арины прозвучал тише обычного, будто она боялась спугнуть это движение.

Профессор подошёл, не торопясь, но в его походке чувствовалась собранность. Он достал из чехла лупу с подсветкой и склонился над свитком.

— Это не чернила, — пробормотал он, водя стеклом по узорам. — Это... структура материала. Как будто волокна реагируют на тепло.

Борис, который как раз крепил растяжки модуля, бросил короткий взгляд через плечо:

— Если эта штука «живёт» от тепла, то в наших условиях она скоро проснётся окончательно. Может, лучше убрать её в термоконтейнер?

— Нельзя, — Виктор не отрывался от настройки антенны, но голос его звучал твёрдо. — Если это ключ к объекту наверху, то контейнер может заблокировать сигнал. Или что там у него вместо сигнала.

Андрей молча присел рядом, не касаясь свитка, но внимательно изучая его края.

— Смотри сюда, — он указал на обожжённый угол. — Видишь, как волокна закручены? Как будто их специально оплавляли, чтобы прервать цепь. Кто-то пытался его «выключить».

Арина подняла глаза:

— Значит, если мы развернём его полностью...

— Мы можем его активировать, — закончил за неё Марк. — Но, возможно, именно этого нам и нужно. Объект наверху не пускает нас внутрь. А свиток может быть тем самым кодом, который скажет ему: «Свой».

Кира, до этого молча наблюдавшая за всем со стороны, вдруг шагнула ближе:

— А если он не просто «впустит»? Если он начнёт... отвечать?

Все на мгновение замерли. Даже ветер, шумевший в листве, будто стал тише.

Марк медленно кивнул:

— Ты права. Поэтому делаем всё по протоколу. Арина, ты разворачиваешь свиток ровно настолько, чтобы мы увидели полный узор. Андрей и Борис — на прикрытии, держите периметр. Виктор, держи канал связи открытым. Если что-то пойдёт не так — мы уходим немедленно.

Арина глубоко вдохнула, чувствуя, как ладони становятся влажными. Она аккуратно потянула край свитка. Ещё сантиметр. Ещё.

И в тот момент, когда узор наконец сложился в единую фигуру — сложную звезду с пересекающимися дугами, — в воздухе над лагерем что-то щёлкнуло, как будто разом замкнулся невидимый контур. Листья на ближайших папоротниках вздрогнули, будто от сквозняка, хотя ветра не было.

На экране планшета, где всё ещё висела картинка с дрона, по гладкой стене сооружения вверху пробежала тонкая линия света. Она не была яркой, скорее призрачной, но она двигалась — медленно, словно ощупывая пространство. И двигалась она точно по контуру, совпадающему с узором на свитке.

— Он считывает, — прошептал Марк, глядя на экран. — Он считывает узор.

Виктор резко щёлкнул переключателем на ноутбуке:

— Связь проседает. Сигнал уходит в глухую зону. Похоже, объект экранирует всё вокруг. Борис положил руку на приклад карабина, но не для угрозы — скорее для опоры:

— Значит, дальше без прикрытия сверху.

Андрей тихо сказал, не сводя глаз с зарослей:

— И без лишних звуков. Тут кто-то есть. Я чувствую.

Арина смотрела на свиток, на светящуюся линию на экране и вдруг поняла: они не просто нашли путь к древнему городу. Они разбудили его. Андрей ушёл в разведку — бесшумно, как тень, растворился в густой зелени. Он двигался не по прямой, а змейкой, то и дело припадая к земле, проверяя каждый след, каждую сломанную ветку. Через сорок минут он вернулся, стёр ладонью капли влаги с лица и коротко бросил:

— На суше чисто. Ни следов обуви, ни звериных троп крупнее лисьих. Даже птиц почти нет — только та одна, что пела. Будто всё живое держится от этого места в стороне.

Арина выдохнула, но облегчения не почувствовала. Наоборот, тишина казалась теперь ещё более зловещей.

— Значит, опасность не сверху, — пробормотал Виктор, постукивая пальцами по корпусу ноутбука. — Она снизу.

Словно в ответ на его слова из воды, прямо из центра лагуны, ударил луч света. Не такой, как с вершины горы — не вертикальный и не тонкий. Этот был широким, молочно-белым, он словно прорезал толщу воды и заставлял её вибрировать, будто по поверхности шли концентрические волны от невидимого удара. Вода вокруг луча дрожала мелкой рябью, и даже галька у берега отзывалась едва уловимым гулом.

Борис первым шагнул к кромке воды, присел на корточки и опустил ладонь, не касаясь поверхности.

— Чувствуется, — тихо сказал он. — Как будто ток идёт, только не электрический. Это резонанс.

Марк Штерн смотрел на эхолот, где яркая точка в центре лагуны пульсировала в такт лучу.

— Это не маяк, — произнёс профессор, и голос его звучал почти благоговейно. — Это передатчик. Или... активатор. Он поддерживает этот микроклимат. И если мы его отключим — или повредим, — вся эта зона может схлопнуться. Или взорваться.

Арина сжала в пальцах край свитка. Узор на нём снова едва заметно пульсировал, будто отзываясь на ритм луча.

— Мы не можем просто стоять и смотреть, — сказала она. — Нам нужно изучить город. Это научная экспедиция. У нас есть право, есть поддержка. Мы можем вызвать помощь.

Марк кивнул, не отрывая взгляда от экрана:

— Верно. Мы действуем официально. Под прикрытием Федеральной Службы Геологического Мониторинга. Значит, у нас есть доступ ко всему, что нужно.

Он повернулся к Виктору:

— Вызывай поддержку. Нам нужны не просто водолазы. Нужны специалисты по глубоководной робототехнике. И мини-подлодки с манипуляторами. Пусть пришлют два аппарата класса «Барракуда-М» — они компактны, но выдерживают давление на глубине до трёх километров. Плюс автономный дрон-сканер для картографирования руин. И пусть на орбите держат спутник с гиперспектральной съёмкой: если там есть активные энергетические поля, мы должны видеть их в реальном времени.

Виктор уже набирал зашифрованный канал связи. Его пальцы летали по клавиатуре, а на экране бежали строки протоколов.

— Принято, — буркнул он через минуту. — Вертолёт с оборудованием будет через три часа. Подводные аппараты — через пять. Но... — он поднял глаза, — они требуют подтверждения: мы не должны ничего трогать до прибытия группы сопровождения.

Часы на приборной панели отсчитывали минуты, и каждая из них тянулась, словно час. Марк Штерн мерил шагами галечный берег лагуны, то и дело бросая взгляд на горизонт — будто мог разглядеть сквозь километры воды и воздуха очертания грядущей операции. Виктор, напротив, сидел неподвижно, будто слившись с терминалом, и лишь время от времени сверялся с поступающими данными, хмуря брови.

Три часа пролетели в тягостном ожидании. Наконец в небе раздался нарастающий гул лопастей, и над палубой завис тяжёлый транспортный вертолёт. Он завис на мгновение, словно оценивая площадку, а затем аккуратно пошёл на снижение. С лязгом опустились трапы, и из чрева машины начали выгружать контейнеры — массивные, с маркировкой спецподразделения и плотными пломбами. Каждый ящик был рассчитан на экстремальные условия, каждый — на вес и давление, которые редко встречаются даже в самых глубоких впадинах океана.

Команда техников работала быстро и слаженно: контейнеры один за другим спускали на берег, где их тут же встречали специалисты, сверяя серийные номера и проверяя целостность пломб. Виктор лично принял накладные, быстро пробежал глазами по строкам, поставил подпись и коротко кивнул:

— Груз принят. Всё в порядке.

Ещё два часа ушли на подготовку: распаковку, проверку систем, подключение модулей к общей сети. Аппараты «Барракуда-М» выглядели обманчиво компактными — но в их обтекаемых корпусах скрывались сложнейшие механизмы, способные работать там, где обычный металл сминался бы, как фольга. Дрон-сканер прошёл тестовый запуск: его сенсоры мигнули холодным светом, подтверждая готовность к работе.

Когда пришло сообщение о приближении подводных аппаратов, на берегу уже царила деловитая суета. Вторая партия груза прибыла на борту скоростного катера — модули с дополнительным оборудованием, запасные манипуляторы, герметичные боксы с расходниками. Всё это тут же распределяли по отсекам, фиксировали, подключали.

Наконец, Виктор оторвался от терминала и поднял глаза:

— Всё на месте. Системы проверены и синхронизированы. Мы готовы к погружению.

Марк медленно выдохнул, будто сбрасывая с плеч тяжесть долгого ожидания. Он посмотрел на тёмную гладь воды, где под толщей океана прятались руины затонувшего города — и где, возможно, таилась разгадка, ради которой всё это затевалось.

— Отлично, — произнёс он, голос звучал твёрже, чем раньше. — Пусть группа сопровождения прибывает. Мы не будем ничего трогать... пока они не окажутся здесь. Но как только они дадут добро — мы спускаемся.

Арина шагнула вперёд:

— Но луч! Он пульсирует. Что, если он — часть системы жизнеобеспечения города? Что, если через несколько часов он изменит частоту и... всё рухнет?

Марк помолчал, взвешивая каждое слово.

— Ты права, — наконец сказал он. — Мы не можем ждать. Но и лезть вслепую нельзя. Виктор, подготовь лёгкий подводный модуль — тот, что мы брали для разведки пещер. Он не для глубин, но для лагуны подойдёт. Андрей, ты идёшь с ним: твои глаза там, где техника слепа. Виктор, держи связь, но готовь резервные каналы — если этот луч начнёт глушить сигнал, мы останемся без связи с миром. А я... я попробую понять, что делает этот луч.

Кира, до этого молча стоявшая у лодки, вдруг заговорила:

— Я знаю эти воды. Знаю, где течения бьют в скалы, а где вода стоит мёртво. Я поведу модуль. Не как пассажир. Как лоцман.

Андрей посмотрел на неё, чуть склонив голову:

— Если течение изменится — ты первая это почувствуешь.

Кира коротко кивнула:

— Именно.

Пока Виктор и Андрей собирали модуль — компактную капсулу с прозрачным куполом, усиленными стенками и выдвижными манипуляторами, — Марк достал из рюкзака спектрометр и направил его на луч. Прибор тихо пискнул, выдавая данные.

— Частота... странная, — пробормотал профессор. — Не электромагнитная. Скорее акустическая, но на уровне молекулярных колебаний. Это не свет. Это... вибрация воды. Она заставляет молекулы выстраиваться в определённую структуру.

Арина смотрела на экран спектрометра, где бежали графики.

— То есть вода здесь — не просто вода, — прошептала она. — Она... носитель.

— Да, — кивнул Марк. — И, возможно, именно по ней мы сможем попасть в город. Не через вход в горе. А сквозь саму толщу воды.

Через час всё было готово. Модуль стоял у кромки воды, его двигатели тихо гудели, проверяя системы. Виктор занял место пилота, уверенно положив руки на штурвал. Борис проверил крепления, Андрей — датчики. Марк в последний раз сверил данные.

— Готовы? — спросил он, глядя на каждого по очереди.

Все кивнули.

— Тогда вперёд. Тихо. Точно. И помните: мы не искатели приключений. Мы учёные. И наша задача — не разрушить, а понять.

Модуль скользнул в воду, и в тот же миг луч, будто заметив движение, изменил ритм. Пульсация стала чаще, вода вокруг завибрировала сильнее, но капсула, защищённая специальным покрытием, выдержала.

Они погружались медленно, наблюдая, как свет луча пронизывает воду, создавая причудливые узоры. На глубине десяти метров очертания дна начали проступать сквозь мутную толщу — не просто скалы, а ровные линии, углы, ступени.

Арина прильнула к стеклу:

— Смотрите... Это не природа. Это архитектура.

Марк тихо выдохнул:

— Город не затонул. Его... спрятали. И теперь он просыпается. Модуль плавно скользил сквозь толщу воды, и с каждым метром картина за прозрачным куполом становилась всё менее похожей на обычный затонувший город.

Арина прильнула к стеклу, не отрывая взгляда. То, что она видела, не укладывалось в привычные представления об архитектуре: не арки и колонны, а идеально ровные плоскости, соединённые под странными, нечеловеческими углами. Стены будто не были сложены из блоков — они выглядели так, словно их вырастили или напечатали единым куском. Материал отливал тусклым серо-стальным блеском, но стоило лучу света скользнуть по поверхности, как проступали тонкие прожилки, напоминающие капилляры.

— Это не камень, — тихо произнёс Марк, водя пальцем по экрану планшета, куда выводились данные датчиков. — И не бетон. Похоже на композит на основе кварца и какого-то полимера. Прочность — как у бронированной стали, а плотность — ниже, чем у базальта.

Виктор крепче сжал штурвал, хотя модуль шёл ровно:

— Выглядит так, будто это не строили, а... собирали из воды.

Борис, который следил за показаниями сенсоров давления, хмыкнул:

— Или наоборот — вытесняли воду, чтобы оставить эти формы. Смотрите сюда: на стыках нет ни швов, ни микротрещин. Как будто материал сам себя «сшил».

Модуль миновал гряду обломков, которые издали казались скалами, но вблизи оказались фрагментами гигантских конструкций. Арина ахнула: перед ними открылась широкая терраса, выступающая из склона, и на её краю застыла массивная плита, напоминающая шлюз или ворота. По всей её поверхности бежали тонкие линии — не резьба, а скорее каналы, в которых слабо мерцала голубоватая жидкость.

— Это система охлаждения, — уверенно сказал Андрей, глядя на тепловую карту. — Или энергораспределения. Видишь эти узлы? Они как узлы нервной системы: если один гаснет, нагрузка перекидывается на соседние.

Марк наклонился к микрофону внутренней связи:

— Зафиксируйте координаты. Нам нужно понять масштаб. Борис, запусти манипулятор, аккуратно возьми фрагмент с края террасы — только не касайся светящихся каналов.

Пока Борис управлял механической рукой, модуль медленно развернулся, чтобы дать лучший ракурс. И тут из темноты, чуть выше террасы, выступили очертания ещё одной конструкции — огромной, угловатой, с множеством граней, будто гигантский кристалл, намертво вросший в склон.

— Что это? — прошептала Арина.

Виктор, который анализировал данные сонара, присвистнул:

— Судя по эхограмме, это не просто конструкция. Это каркас. Его основание уходит в грунт на сотни метров. А эти грани... они не декоративные. Это резонаторы. Или антенны.

Андрей молча указал на дно у основания каркаса: там, среди ила, виднелись ряды одинаковых округлых объектов, похожих на капсулы.

— Не трогай пока, — быстро сказал Марк. — Сначала снимем спектры. Если это аккумуляторы или контейнеры с чем-то нестабильным, любое механическое воздействие может спровоцировать реакцию.

Модуль медленно проплыл вдоль террасы, фиксируя каждый сантиметр. На одной из стен Арина заметила углубление, по форме напоминающее отпечаток ладони, но с дополнительными пазами — будто для пальцев иной анатомии. Рядом с ним тускло светился овал, похожий на экран, но без видимых пикселей или швов.

— Если это интерфейс, — пробормотал Борис, — то он рассчитан на человеческие руки.

Кира тихо сказала:

— Или на руки в специальных перчатках. Тех, что меняют форму.

Марк кивнул, не сводя глаз с экрана:

— Мы нашли не просто руины. Мы нашли работающий узел. Даже если он спит, он всё ещё функционален. И у нас есть инструменты, чтобы его прочитать. Не магией, а физикой.

В этот момент луч, бьющий из центра лагуны, на секунду вспыхнул ярче, и вода вокруг модуля завибрировала, словно отзываясь на сигнал. На приборах скакнули показатели: давление, температура, электромагнитный фон.

— Держим курс, — твёрдо сказал Марк. — Но никаких контактов, пока не получим данные с орбиты. Пусть спутник даст нам полную картину энергетических полей. Мы должны понять, где граница между исследованием и риском.

Арина смотрела на гигантский каркас, на светящиеся каналы, на странный отпечаток ладони — и чувствовала, как холодеет в груди не от страха, а от осознания: они стоят на пороге чего-то, что человечество ещё не готово назвать просто «артефактом». Это была технология, настолько чуждая, что даже её молчание звучало как предупреждение.

Виктор постучал по экрану ноутбука, выводя на него новую вкладку:

— Спутник уже на позиции. Гиперспектральная съёмка пошла. Через три минуты у нас будет карта всех активных полей.

На экране медленно проступала цветная карта дна: тёплые жёлтые и оранжевые пятна показывали зоны нагрева, синие — нейтральные участки, а по центру лагуны пульсировал ярко-красный узел — источник луча.

— Вот он, — тихо сказал Марк, обводя пальцем пульсирующую точку. — Главный узел. Если мы поймём, как он работает, мы поймём весь город.

Борис хмыкнул, глядя на данные манипулятора:

— А если он работает как бомба замедленного действия?

— Тогда, — спокойно ответил Марк, — мы найдём предохранитель. Или придумаем свой. Модуль медленно скользил над неровным дном, а на центральном экране разворачивалась карта — та самая, что пришла с орбиты. Цвета ложились слоями: жёлтые прожилки тяну-

лись от центрального луча, синие пятна отмечали мёртвые зоны, а в глубине, ниже по склону, пульсировало крупное тёмно-оранжевое пятно — чёткой пятиугольной формы.

— Вот оно, — тихо сказал Виктор, водя пальцем по контуру. — Ниже по склону. Похоже на пирамиду. Пятиугольник. И размер... Марк, смотри: масштабная линейка говорит, что высота — примерно пятнадцать метров. Как пятиэтажный дом.

Марк склонился над экраном, прищурившись:

— Не просто форма. Это узел концентрации. Все каналы сходятся к нему. Если центральный луч — это голос города, то эта пирамида — его память. Или сердце.

Кира смотрела на схему, и у неё внутри всё сжалось от предвкушения и тревоги:

— Значит, мы идём туда.

Борис хмыкнул, не отрываясь от панели управления манипулятором:

— Идём. Но без спешки. Пятнадцать метров под илом и водорослями — это не просто «камень в воде». Это масса, которая может сдвинуться от вибрации.

Виктор крепче сжал штурвал:

— Течение здесь слабое, но склон крутой. Если пойдёт обвал, нас прижмёт к стене. Держим дистанцию и идём по касательной.

Модуль плавно снизил высоту, и прожекторы, пробивая мутную воду, выхватили из темноты очертания площади. Это была не случайная прогалина — ровная, словно специально выровненная платформа, окружённая остатками стен: не хаотичными обломками, а чёткими прямоугольными блоками, будто здесь когда-то стояли здания, выстроенные по единому плану.

А в центре площади, возвышаясь над всем этим, стояла она — пятиугольная пирамида. Её грани отливали странным, холодным светом даже сквозь слой ила и спутанных водорослей. Когда лучи прожекторов скользнули по поверхности, стало видно: это не камень и не бетон. Это был кристалл — прозрачный, но не как стекло, а будто состоящий из тысяч тонких слоёв, каждый из которых слабо мерцал своим оттенком.

— Это не осадочная порода, — пробормотал Марк, глядя на данные спектрографа. — Это монокристаллическая структура. И она растёт. Или регенерирует. Ил не прилипает к ней намертво — он сползает, будто поверхность сама себя очищает.

Андрей, не сводя глаз с экрана сонара, тихо добавил:

— Смотрите на основание. Там нет осадка. Как будто под ней идёт постоянный микропоток. Или вибрация. Она держит пространство вокруг себя чистым.

Борис присвистнул:

— То есть пирамида сама себя обслуживает. Как живой механизм.

Виктор постучал по экрану, выводя 3D-модель:

— Площадь вокруг неё — не случайность. Это плацдарм. И эти «здания» по периметру... они не рухнули. Их расположили так специально, чтобы экранировать или направлять энергию.

Арина прильнула к стеклу, не в силах оторвать взгляд:

— Она светится. Не отражённым светом. Сама по себе.

Марк кивнул:

— Да. И это самое важное. Значит, система всё ещё активна. Даже если на минимальном уровне.

Модуль завис в десяти метрах от пирамиды, держа безопасную дистанцию. Прожекторы скользили по граням, и становилось видно, что на каждой стороне есть тонкие, едва заметные линии — не трещины, а скорее бороздки, расходящиеся от вершины к основанию, как каналы или направляющие.

— Если это накопитель, — сказал Андрей, — то эти линии — каналы сброса избыточной энергии. Или... приёмники.

Борис покосился на манипулятор:

— Я могу взять крошечный скол с угла, где нет этих линий. Микрообразец. Для анализа структуры.

Марк покачал головой:

— Нет. Пока не будем нарушать целостность. Сначала картографируем. Виктор, запускай автономный дрон-сканер. Пусть обследует пирамиду по спирали и снимет каждую грань. Нам нужна полная 3D-карта, включая микрорельеф.

Виктор кивнул и нажал кнопку. Из боковой ниши модуля бесшумно выскользнул маленький дрон — компактный, с несколькими камерами и лазерным сканером. Он плавно развернулся и начал медленный подъём, обходя пирамиду по дуге, фиксируя каждую грань, каждую бороздку, каждый миллиметр поверхности.

На экране в реальном времени выстраивалась модель: пятиугольная, идеально симметричная, с едва уловимыми отклонениями, которые могли быть либо дефектами, либо частью замысла.

— Видите? — Марк указал на стыки граней. — Углы не острые. Они слегка скруглены. Как будто конструкция рассчитана на гидродинамику. Или на то, чтобы рассеивать ударную волну.

Арина тихо сказала:

— Как будто она ждала, что её найдут. И ждала именно под водой.

Кира вдруг тихо произнесла:

— Или ждала, пока вода станет её защитой. Пока никто не сможет подойти близко без специальной техники.

В этот момент дрон достиг вершины пирамиды и завис над ней. На экране мелькнуло что-то странное: в самой верхней точке, там, где сходились все грани, проступила тонкая светящаяся точка — не яркая, но пульсирующая в такт лучу из центра лагуны.

— Связь, — выдохнул Марк. — Это не просто накопитель. Это ретранслятор. Он принимает сигнал и распределяет его по всей структуре.

Виктор нахмурился, глядя на показатели:

— Частота совпадает. Пирамида — это часть цепи. Если мы отключим её... или повредим... неизвестно, что произойдёт с остальными узлами.

Арина посмотрела на Марка:

— Тогда мы не будем отключать. Мы будем слушать. И учиться.

Профессор медленно кивнул, не отрывая взгляда от мерцающей точки на экране:

— Именно. Мы учёные. Наша задача — не ломать, а понимать. Запускаем полный цикл сканирования. Фиксируем каждую частоту, каждый оттенок свечения, каждую вибрацию. Пусть эта пирамида расскажет нам свою историю. И пусть она сделает это на языке науки, а не чудес. Дрон достиг вершины и на секунду завис, выпуская тонкий лазерный луч для сверхточного замера толщины кристалла. И в тот миг, когда его корпус едва коснулся светящейся точки, пирамида отозвалась.

Не взрывом, не ударом — а переливом. Спектр свечения резко сместился: из холодного серо-голубого он стал янтарно-золотым, будто внутри кристалла зажглось невидимое солнце. По граням побежали волны света — не хаотичные вспышки, а чёткие, ритмичные импульсы, точно система проверяла собственные контуры.

Модуль тут же начал плавно отходить назад, увеличивая дистанцию.

— Отходим, отходим! — голос Виктора звучал спокойно, но быстро. — Не провоцируем. Просто наблюдаем.

На экранах бежали графики: температура поверхности пирамиды почти не изменилась, но электромагнитный фон резко вырос, а в воде появились слабые стоячие волны — будто сама среда подстраивалась под новый ритм.

Борис, не сводя глаз с телеметрии, хмыкнул:

— Система не атакует. Она... сканирует. Как будто пытается понять, что мы такое.

Виктор крепче сжал штурвал:

— Значит, лучше не быть слишком заметными.

Марк кивнул, быстро просчитывая варианты:

— Тогда меняем план. Мы не будем лезть в пирамиду. Мы будем изучать город вокруг неё. Пусть она стоит как маяк, а мы пройдем по руинам и соберем данные.

Он повернулся к экрану, где поверх 3D-карты уже лежали маршруты:

— Виктор, Арина и Кира, вы остаётесь на модуле. Это наша база, наш узел связи и, если что, наша эвакуация. Держите канал открытым, следите за фоном и будьте готовы поднять нас в любой момент. Если показатели пойдут вверх и система начнёт реагировать агрессивнее — сразу уходите на поверхность и вызывайте поддержку: хоть вертолёт, хоть подводную лодку. У нас есть допуск, есть ресурсы — мы не герои-одиночки, мы научная группа под прикрытием государства.

Борис усмехнулся, поправляя крепления манипулятора:

— Не переживай, профессор. Если тут что-то начнёт рушиться, мы не будем ждать приглашения.

Кира кивнула:

— Я держу курс. И держу связь.

\* \* \*

Марк повернулся к Андрею и Виктору:

— Мы идём втроём. Я — как руководитель экспедиции и научный координатор, Андрей — разведка и анализ следов, Борис — прикрытия и фиксация обстановки. Работаем чётко, без импровизаций.

Пока они готовились к выходу, на палубе модуля быстро раскладывали снаряжение. Это была не обычная водолазная экипировка, а усиленный комплект специального назначения, разработанный для зон с аномальными физическими полями.

**Марк** надел сухой гидрокостюм «Полюс-М» с адаптивной терморегуляцией. На груди — компактный блок датчиков, который фиксировал не только пульс и давление, но и малейшие изменения электромагнитного фона. На запястье — тактический планшет с гидроакустической связью и инерциальной навигацией: даже без GPS он точно знал, где ты находишься. В качестве оружия Марк взял компактный импульсный излучатель «Волна-2»: он не стрелял пулями, а создавал кратковременные направленные волны давления, способные оттолкнуть крупную морскую хищницу или сбить с траектории неопознанный объект.

**Андрей** выбрал облегчённый полусухой костюм с усиленной защитой суставов — ему нужна была максимальная подвижность. На поясе — набор полевых инструментов: компактный спектрометр, ультразвуковой толщиномер и герметичный бокс для проб. На шлеме — двойная оптика: обычный визор плюс инфракрасный канал, чтобы видеть тепловые аномалии. Его оружие — пневматический гарпунный комплекс «Стрежень»: он мог стрелять как обычными гарпунами, так и специальными маркерами с датчиками, которые приклеивались к поверхности и передавали данные о вибрации и температуре.

**Борис**, отвечавший за прикрытия группы, взял тяжёлый рабочий комплект с дополнительной защитой. На спине — модуль с автономными дронами-разведчиками размером с ладонь: они могли отцепляться и обследовать узкие проходы, куда человеку было не пролезть. На груди — жёсткий кейс с портативными анализаторами грунта и воды. Его вооружение — двух-средовый карабин «Нырок-К»: он работал и под водой, и на поверхности, стреляя либо компактными капсулами с не летальным зарядом (для оглушения), либо специальными болтами с датчиками, которые втыкались в стены и сканировали структуру материала.

Когда все трое проверили застёжки, крепления и связь, Марк коротко произнёс:

— Помните: мы не штурмовики. Мы учёные. Но мы подготовлены к любому сценарию. Если что-то пойдёт не так — Борис первым даёт сигнал на отход, я принимаю решение, Андрей страхует тылы. Работаем как единый механизм.

Все кивнули.

Люк модуля открылся, и трое один за другим скользнули в воду. Прозрачные купола шлемов тут же заполнились данными: глубина, температура, радиационный фон, электромагнитные всплески.

Они поплыли над площадью, держась на высоте двух метров над дном. Прожекторы выхватывали из темноты остатки зданий: ровные стены, странные арки без дверей, площадки, будто предназначенные для чего-то, что давно исчезло.

Андрей первым заметил деталь: на углах некоторых блоков были выступы, похожие на гнезда для креплений. Он выстрелил маркером — тот мягко прилип к поверхности, и через секунду на планшете Андрея появилась карта микровибраций.

Борис держался чуть позади, сканируя периметр. Его карабин был снят с предохранителя, но ствол смотрел вниз — пока это была мера предосторожности, а не угроза. Время от времени он выпускал мини-дрона, и тот, жужжа, скользил в тёмные проёмы, возвращаясь с кадрами и замерами.

Марк медленно плыл, водя лучом фонаря по поверхности плит. И вдруг остановился. На одной из плит был узор — не резьба, а будто оплавленный след, повторяющий форму пятиугольника. Он аккуратно снял спектрограмму и отправил данные на модуль.

Где-то впереди, над пирамидой, снова пробежала волна света — мягкая, неспешная, будто город продолжал свою бесконечную проверку. Но здесь, среди руин, было тихо. И именно эта тишина казалась самой громкой: она говорила о том, что город не мёртв. Он просто ждал.

И теперь трое людей в высокотехнологичных костюмах и с современным оружием плыли по его улицам, стараясь не нарушить хрупкое равновесие между исследованием и опасностью. Борис замер, вглядываясь в экран планшета, куда выводилась картинка с мини-дрона.

— Стоп, — тихо произнёс он, водя пальцем по краю кадра. — Видите это свечение? Не биолюминесценция. Не отложение солей. Это... управляемое. Как подсветка панели.

Марк и Андрей подтянулись ближе. На экране в узком проёме, наполовину скрытом обвалившейся стеной, мерцал ровный, холодный свет — не рассеянный, а будто исходящий изнутри какой-то конструкции.

— Там что-то есть, — прошептал Андрей. — И это не просто техника. Это... помещение. Или ниша.

Борис перевёл дрон в режим инфракрасной съёмки. Изображение сменилось: на фоне тёмного камня проступил чёткий контур — прямоугольная выемка, а внутри, почти сливаясь с тенью, виднелся силуэт.

— Это человек, — выдохнул Марк. — Или... фигура в костюме.

Группа медленно подплыла ближе, держа дистанцию и не делая резких движений. Прожектор модуля скользнул по проёму — и правда: в нише, будто застывший в странной позе, лежал человек в броне наполовину засыпанный снизу обломками обвалившейся стены. Но броня была не похожа ни на один современный образец: сегменты напоминали чешуйки из полупрозрачного материала, отливающего фиолетово-серым, а стыки между ними слабо пульсировали, будто по ним бежали микротоки.

Андрей поднял руку, останавливая остальных, и медленно достал спектрометр. Луч прибора скользнул по поверхности брони.

— Не металл, — пробормотал он. — Не керамика. Похоже на композит с кристаллической решёткой. И... фон почти нулевой. Как будто костюм экранирует всё.

Марк осторожно приблизился, стараясь не задеть обломки. Фигура лежала неподвижно, лицо скрыто шлемом с матовым визором. На запястье правой руки тускло светился браслет —

тонкий, словно отлитый из единого куска стекла, с пульсирующей голограммой: на ней сменялись символы, непонятные, но ритмичные, будто поток данных.

— Он не дышит, — тихо сказал Борис, глядя на показания датчиков. — Но и не разложился. Как будто... законсервирован.

Марк протянул руку. Пальцы замерли в сантиметре от браслета, будто он боялся спугнуть хрупкое равновесие. Потом, резко выдохнув, он аккуратно расстегнул фиксатор. Браслет мягко щёлкнул и соскользнул с запястья фигуры.

В тот же миг в воде будто дрогнул сам свет: на долю секунды всё вокруг стало чуть резче, контрастнее, как будто фильтры реальности перенастроились.

Не раздумывая, Марк застегнул браслет на собственном запястье.

Едва защёлкнулся замок, экран браслета вспыхнул неоновым светом — не хаотичным, а сразу выстроившимся в чёткую структуру. Перед глазами Марка возникла полупрозрачная голограмма: трёхмерная карта затонувшего города, наложенная прямо на подводный пейзаж. Улицы, здания, тоннели — всё было отмечено понятными метками, а названия, хоть и исходили из чужой системы символов, мгновенно переводились в голове на русский: «Центральный узел», «Хранилище данных», «Система жизнеобеспечения», «Аварийный шлюз».

На секунду Марк почувствовал странное ощущение — будто его сознание на мгновение расширилось, подхваченное чужим алгоритмом. Это не были мысли, не воспоминания, а скорее мгновенные ассоциации: каждый маркер на карте тянул за собой цепочку технических характеристик — давление, температура, состав материалов, расчётные нагрузки. И самое главное: карта показывала не только то, что было сейчас, но и то, что *должно быть* — контуры зданий, погребённых под илом, проступали как прозрачные силуэты, будто система пыталась восстановить утраченное.

— Марк? — голос Бориса прозвучал напряжённо. — Ты в порядке?

Профессор моргнул, возвращаясь к реальности. Голограмма не исчезла, но стала чуть прозрачнее, подстраиваясь под его внимание.

— Я... в норме, — хриловато ответил он. — Более чем. Кажется, я теперь вижу город. Не глазами. А... как система.

Андрей смотрел на браслет, прищурившись:

— Это интерфейс. Персональный терминал оператора. Тот, кто лежал здесь, был не просто исследователем. Он был частью системы.

Борис медленно перевёл ствол карабина в нейтральное положение, но палец держал рядом с кнопкой готовности:

— И если система его «законсервировала»... что она сделает с нами?

Марк провёл пальцем по воздуху, приближая один из секторов на голограмме.

— Она уже что-то делает, — тихо сказал он. — Она... признаёт меня. По крайней мере, временно. Смотрите: вот здесь, под площадью, есть тоннель. Он ведёт прямо к основанию пирамиды. И он не затоплен полностью — там есть воздушная камера. Если мы сможем туда попасть, мы получим прямой доступ к ядру системы.

Андрей кивнул, оценивая маршрут:

— Тогда идём осторожно. Никаких резких движений. Мы не знаем, какие протоколы у этой штуки.

Борис коротко глянул на модуль, где на связи оставались Виктор, Арина и Кира:

— Надо сообщить им. Пусть знают, что у нас есть карта и мы идём к тоннелю.

Марк уже прокладывал маршрут на голограмме, и метки мягко смещались, подстраиваясь под текущую гидродинамику: течения, давление, даже микровибрации дна.

— Сообщай, — сказал он. — Но не жди одобрения. Время здесь течёт иначе. Пока эта штука считает меня «своим», мы должны использовать шанс. Андрей задержался у ниши, пока Марк сверял маршрут на голограмме, а Борис контролировал периметр. Что-то в позе фигуры

не давало ему покоя: слишком уж идеально она лежала, будто не упала, а заняла штатную позицию.

Он достал компактный спектрометр и провёл лучом вдоль бронированных сегментов. Показатели бежали по экрану, но смысл их Андрей понял не сразу. А потом щёлкнул переключатель на ультразвуковой режим — и картинка изменилась.

— Марк, — тихо позвал он, не повышая голоса. — Подойди сюда. И лучше без резких движений.

Профессор подплыл, не отрывая взгляда от мерцающей голограммы на запястье, но тут же замер, увидев данные на планшете Андрея.

— Это не тело, — выдохнул Андрей, водя пальцем по графику. — Это... конструкция. Смотри на плотность тканей: она везде одинаковая. Нет ни костей, ни мышц, ни полостей. Материал — полимерный композит с кристаллической матрицей. Эластичный, но выдерживает колоссальное давление. И самое главное: внутренняя структура — это сеть микроканалов. Как система охлаждения. Или передачи данных.

Марк медленно наклонился, вглядываясь в матовую поверхность шлема. Андрей аккуратно поддел край визора, и тот чуть сдвинулся, открывая внутреннюю сторону. Там, на тёмной подложке, тускло светила тонкая гравировка — ряд символов, похожих на штрих-код, только изогнутый по форме купола.

Андрей быстро навёл сканер. Через секунду на экране вспыхнули совпадения: код на шлеме точно совпадал с одним из секторов на голограмме браслета — с тем, что был помечен как «Пост наблюдения-7».

— Он не исследователь, — тихо произнёс Марк, будто боялся, что стены услышат. — Он... страж. Или оператор. Часть системы.

Борис, не опуская карабин, тихо присвистнул:

— То есть город не просто «проснулся». Он... потерял одного из своих. И теперь ищет замену.

Андрей провёл перчаткой по сегменту брони. Под пальцами материал чуть пружинил, но оставался твёрдым, как закалённое стекло.

— И он сделан так, чтобы быть похожим на нас, — добавил Андрей. — Посмотри на пропорции лица. Почти человеческие. Только нос чуть сглажен, скулы чуть острее. Как будто брали наш тип и... улучшали.

Марк коснулся визора, не нажимая, просто проверяя сопротивление.

— Они хотели, чтобы мы его поняли, — прошептал он. — Чтобы мы увидели в нём себя. Не врага. Не механизм. А... коллегу.

Голограмма на браслете вдруг мигнула, и рядом с меткой «Пост наблюдения-7» появилась новая строка: «Статус: неактивен. Требуется подтверждение оператора».

Андрей покосился на браслет:

— Система знает, что он выключен. И она... ждёт.

Борис нахмурился:

— Чего ждёт? Нового стража? Или просто перезагрузки?

Марк не ответил сразу. Он смотрел на строку, и в голове у него складывалась страшная и одновременно завораживающая мысль: этот андроид не был здесь случайно. Его оставили здесь как часть протокола. И если протокол запустился снова, значит, город действительно просыпается.

— Мы не пойдём под пирамиду, — наконец сказал Марк. — Не сейчас. Сначала мы поймём, как работает этот страж. Андрей, собери все данные: спектры, структуру материала, схему каналов. Борис, держи периметр. Если система начнёт менять параметры среды — мы уходим.

Андрей кивнул и достал герметичный бокс. Он аккуратно снял микро фрагмент с края сегмента — не ломая, а срезая тонким импульсом. Материал чуть потемнел в месте среза, но не треснул.

— У него есть самовосстановление, — пробормотал Андрей, глядя на показатели. — Регенерация на молекулярном уровне. Если бы он был исправен, эта царапина затянулась бы за минуты.

Марк снова посмотрел на голограмму. Теперь она показывала не только карту, но и сеть постов — их было больше десятка, разбросанных по всему городу. И все они имели один и тот же статус: «Неактивен».

— Значит, они все... выключены, — тихо сказал он. — И город остался без присмотра. Но система всё ещё работает. Кто-то или что-то её поддерживает.

В этот момент из глубины, от самой пирамиды, снова прокатилась волна света. Не такая, как раньше: теперь она не просто бежала по граням — она будто проверяла пространство, сканировала его.

На браслете Марка строка статуса мигнула и сменилась: «Требуется подтверждение оператора. Ожидание: 00:59:47...»

— Время пошло, — тихо сказал Борис. — Что будем делать?

Марк медленно поднял голову, глядя на обвалившуюся стену, на нишу, на неподвижного стража.

— Пока ничего, — твёрдо сказал он. — Мы учёные. Мы не занимаем чужие посты. Мы изучаем. И ищем способ остановить этот отсчёт. Или хотя бы понять, что будет, когда он дойдёт до нуля. Андрей не спешил. Он знал: в механике нет мелочей. Если есть скрытый модуль — он будет там, где нагрузка минимальна, а доступ нужен быстрый. В броне андроида такой точкой оказался боковой сегмент, прикрывавший область таза: не центральный узел, не энергоканал, а сервисный порт, замаскированный под стык пластин.

Андрей провёл ладонью по шву — и тот чуть дрогнул, будто откликнулся на тепло. Он достал компактный ультразвуковой резак, выставил минимальную мощность и аккуратно поддел край. Сегмент плавно отошёл, не треснув, а будто снялся по заранее просчитанной линии разлома.

Внутри, в крошечной нише, лежал цилиндр размером с палец — матовый, без маркировки, но с микроконтактами по торцу. Андрей подхватил его магнитным пинцетом и поместил в герметичный бокс.

— Есть, — тихо сказал он, не скрывая удовлетворения. — Не батарея и не чип. Это накопитель. И он не разряжен.

Марк подплыл ближе, не сводя глаз с браслета: голограмма всё ещё висела в воздухе, а строка «Ожидание: 00:47:12...» продолжала отсчитывать секунды.

— Подключай к планшету, — сказал Марк. — Но через буфер. Не давай ему прямого доступа к модулю. Сначала посмотрим, что он отдаёт.

Андрей кивнул, достал переходник и аккуратно соединил накопитель с планшетом. На экране сначала побежали сплошные помехи — не буквы, не цифры, а волны данных, будто поток сжатой информации. Потом интерфейс браслета мягко подсветил один из каналов и вывел на экран тонкую сетку алгоритмов — как будто сам подсказал, как декодировать сигнал.

— Он распознаёт протокол, — выдохнул Марк. — Браслет не просто показывает карту. Он содержит базовые декодеры для этой системы.

Данные начали раскладываться: сначала — как спектральные графики, потом — как последовательности, похожие на инженерные схемы. И в какой-то момент строка таймера на браслете замерла.

«Ожидание: 00:38:07...» — и дальше не пошла.

Борис, державший периметр, коротко выдохнул:

— Таймер встал.

Марк медленно кивнул:

— Браслет перехватил управление. Пока не полностью, но достаточно, чтобы система не перешла в следующий режим. Мы выиграли время.

Арина, которая всё это время слушала по связи, тихо сказала из модуля:

— Марк, приборы фиксируют стабилизацию. Фон больше не растёт.

Кира добавила:

— И течение выровнялось. Как будто... город перестал «щупать» нас.

Борис хмыкнул:

— Значит, пока мы не враги. Но и не друзья. Просто... понятные.

Марк посмотрел на экран планшета, где теперь медленно выстраивалась схема — не карта, а скорее технический паспорт сектора: параметры давления, режимы работы, список неактивных постов. Он провёл пальцем по воздуху, закрывая голограмму.

— Мы получили данные, — спокойно сказал он. — Но не ответы. И уж точно не право, лезть дальше без понимания.

Андрей убрал накопитель в бокс, защёлкнул крышку и посмотрел на профессора:

— Согласен. Тут не на пять минут работы. Тут нужен анализ, калибровка, проверка протоколов. И... — он чуть улыбнулся, — если честно, я бы сейчас просто нормально сел и выпил горячего кофе.

Борис хмыкнул, но в голосе его тоже слышалась усталость:

— Я бы не отказался от бутерброда. И от сухого места.

Марк помолчал, глядя на неподвижного андроида, на нишу, на обломки стены, будто стараясь запомнить каждую деталь. Потом он медленно кивнул:

— Возвращаемся в модуль. Сейчас наша главная задача — не новые открытия, а осмысление того, что уже есть. Виктор, Арина, Кира — мы идём к вам. Приготовьте место для анализа. Нам нужно разложить эти данные, понять, что за язык, что за протоколы, и главное — что означает этот таймер и что будет, если он снова пойдёт.

Люк модуля открылся, и трое один за другим скользнули внутрь. Шлемы сняли, костюмы расстегнули, и только браслет на запястье Марка остался включённым — его экран тихо мерцал, удерживая связь с системой города.

В тесном отсеке пахло озоном, металлом и... почти домашним уютом. Арина уже разливала горячий чай из термоса, Кира проверяла, чтобы все приборы были подключены к общему контуру, а Борис уже раскладывал на столе планшет и готовил внешний накопитель для копирования данных.

— Садитесь, — сказала Арина, протягивая каждому по стаканчику. — И рассказывайте. Всё, до последней детали.

Марк сел, положил планшет перед собой и устало улыбнулся:

— Сначала — чай. Потом — всё. Потому что если мы будем спешить, мы пропустим самое важное.

Он посмотрел на Андрея:

— Ты нашёл модуль. Ты его вскрывал. Расскажи всё: как он открылся, какой был зазор, как реагировал материал. До миллиметра.

Андрей откинулся на спинку кресла, сделал глоток и начал:

— Сегмент держался на микрозамках. Они не магнитные и не механические. Похоже на термофиксацию: при определённой температуре стык становится подвижным. И... материал не просто эластичный. У него память формы. Если его нагреть или охладить, он возвращается в исходное состояние.

Борис слушал, кивая, и уже чертил на экране схему:

— То есть это не броня в нашем понимании. Это... оболочка. Как внешний скелет. И модуль был спрятан так, чтобы его можно было достать без разрушения конструкции.

Марк кивнул:

— Значит, у них был регламент обслуживания. Значит, они не прятали данные — они оставляли их для своих. Для тех, кто знает, как открыть.

Арина смотрела на поток данных, бегущий по экрану:

— А если мы попробуем сопоставить эти схемы с тем, что показывает браслет? Может, получится увидеть не просто узлы, а логику всей системы?

Кира тихо добавила:

— И ещё... если таймер остановился, значит, система приняла браслет как легитимный интерфейс. Но надолго ли?

Марк снова посмотрел на запястье. Экран браслета мягко светился, но строка таймера не двигалась.

— Пока держит, — сказал он. — Значит, у нас есть время. Не бесконечное. Но достаточно, чтобы понять, с чем мы столкнулись.

В модуле стало тихо — не той тишиной, когда все молчат, а рабочей, когда каждый звук важен: щелчок переключателя, тихий гул серверов, скрип стилуса по сенсорному экрану. Арина разложила на общем дисплее поток данных с накопителя, и он лёг перед ними не как загадка, а как чертёж, который просто пока не научились читать.

Кира не отрывалась от панели приборов: — Давление стабильно. Электромагнитный фон не растёт. Пока город... просто наблюдает.

Борис склонился над схемой, накладывая слой за слоем: — Смотрите сюда. Вот эти повторяющиеся блоки — не слова. Это метки модулей. Каждый такой блок привязан к физической зоне. Тут не язык, тут адресация. Как IP-адреса в сети, только вместо цифр — спектральные коды.

Андрей водил пальцем по цепочке символов: — И вот этот префикс повторяется в каждом третьем блоке. Он не меняется. Это корневой каталог. Главный узел.

Марк, не снимая браслета, коснулся голограммы: — Браслет даёт привязку к местности. Если мы синхронизируем эти адреса с картой, мы сможем точно определить, где находятся ключевые объекты.

Арина быстро запускала алгоритм сопоставления. На 3D-модели города начали загораться точки — сначала редкие, потом всё гуще. И постепенно из хаоса символов выстроилась чёткая структура.

— Вот, — выдохнула она. — Это не случайные помещения. Это функциональные узлы. Комнаты со скафандрами для полётов, арсенал, технические отсеки...

Борис прищурился, приближая один из секторов: — А вот это... на скале, над городом. Видите купол? Под ним ангар. И в данных есть описание аппаратов: один дискообразный и два треугольных. Разведывательные дроны или лёгкие челноки.

Виктор кивнул, чувствуя, как внутри просыпается не восторг, а холодная сосредоточенность инженера: — Значит, у них была воздушная и космическая группировка. Не просто город, а база.

Арина прокрутила дальше: — А здесь... смотрите. Отдельная секция. Она помечена как «Основной транспортный модуль». И схема совпадает с рельефом на северо-востоке. Там, где скала образует выступ.

На экране проявился контур: изящная стреловидная форма, будто лезвие, врезавшееся в камень.

— Космический корабль, — тихо сказал Андрей. — Не громоздкий, не утилитарный. Стреловидный. Как будто проектировали не только для полёта, но и для красоты линий.

Борис хмыкнул: — Красота — это тоже инженерия. Аэродинамика, распределение массы, обтекание полей.

Марк посмотрел на браслет: — Нам нужно туда. Но не для того, чтобы взлететь. Для того, чтобы понять систему, мы должны знать, как она работает.

Кира подняла глаза от приборов: — Только купол не откроется. В данных есть статус: «Система управления куполом — неактивна. Причина: нарушение цепи синхронизации узлов». Проще говоря, без восстановления главного контура ангар не открыть.

Андрей постучал по экрану: — Зато внутрь корабля можно попасть через боковой шлюз. Он не зависит от купола. Это аварийный выход. И если система считает нас «допущенными» через браслет, возможно, шлюз откроется.

Марк медленно кивнул: — Тогда план такой. Сначала изучаем корабль изнутри. Смотрим навигацию, систему управления, интерфейсы. Всё фиксируем. Никаких попыток запуска. Мы не пилоты, мы инженеры.

Арина уже собирала комплекты для записи: — Я возьму спектрограф и сканер поверхностей. Хочу понять, из чего сделаны панели.

Андрей проверил инструменты: — У меня ультразвуковой толщиномер и набор датчиков. Если там есть скрытые модули, я их найду.

Борис поправил крепления на костюме: — Я пойду замыкающим. Если вдруг связь пропадёт или начнётся вибрация, мы сразу уходим. Никаких подвигов.

Кира посмотрела на них строго, по-деловому: — Вы идёте к кораблю, я остаюсь здесь. Держу связь, слежу за фоном. Если показатели начнут расти — я вас вытащу, даже если придётся тащить силой.

Марк улыбнулся ей устало, но искренне: — Нет, — тихо, но твёрдо сказал он. — К кораблю пока не пойдём. Система реагирует на любые попытки взаимодействовать с крупными узлами. Сейчас нам нужно что-то локальное, тихое. Что-то, где мы не будем дёргать главный контур.

Борис, уже мысленно прокладывавший маршрут к скале, нахмурился:

— А что тогда? Мы уже столько времени потратили...

Андрей, который всё это время изучал боковые ответвления на карте, постучал по экрану:

— Вот. Видите этот комплекс? Он уходит вниз, под основной уровень площади. Верхние этажи затоплены, но ниже есть герметичные секции. Судя по структуре стен и расположению шлюзов, это был либо технический ангар, либо склад экипировки. И система не помечает его как «критический узел». Значит, туда можно пройти без риска спровоцировать реакцию.

Арина быстро прогнала расчёт гидростатического давления по этому сектору:

— Да, там есть зоны, где вода не стоит, а медленно циркулирует. Если герметизация не нарушена полностью, внутри могут быть сухие помещения.

Марк кивнул, соглашаясь:

— Значит, идём туда. Не за подвигами. За снаряжением. Если там есть скафандры, арсенал и... — он коснулся браслета на своём запястье, — возможно, ещё такие же браслеты, это сильно упростит работу всей команде.

Кира, не отрываясь от приборов, коротко подтвердила:

— Течение в том направлении слабое. И фон там стабильно ниже. Как будто этот сектор... законсервирован.

\* \* \*

Путь вниз оказался не таким простым, как казалось на карте. Стены были покрыты плотным слоем ила, и каждый шаг приходилось выверять: малейшее движение могло вызвать обвал. Борис шёл первым, сканируя прочность перекрытий мини-дронами. Один за другим

они ныряли в тёмные проёмы и возвращались с данными: плотность материала, трещины, зоны напряжения.

— Здесь, — Борис указал на проём, наполовину скрытый обрушившейся плитой. — Шлюз. Он не открыт, но и не разрушен. Просто заблокирован.

Андрей подошёл ближе, достал ультразвуковой сканер и провёл вдоль стыка. На экране планшета проявились контуры запорного механизма — не примитивного, а сложного, с несколькими степенями фиксации.

— Это не просто дверь, — пробормотал он. — Это герметичный шлюз. И он рассчитан на перепады давления. Если внутри есть сухой отсек, он должен был сохранить герметичность.

Марк поднёс браслет к панели рядом с проёмом. На поверхности вспыхнули тонкие линии, складываясь в узор, и через секунду раздался глухой, но отчётливый щелчок. Створка медленно сдвинулась, выпуская струю мутной воды, которая тут же унеслась течением.

Внутри было темно, но не пусто. Прожекторы выхватили из темноты ровные ряды ниш в стенах, металлические стеллажи и... контуры шкафов с прозрачными дверцами.

Арина первой скользнула внутрь, водя лучом фонаря по стенам:

— Герметизация работает. Давление внутри соответствует глубине, но воздух... — она сделала глубокий вдох, — пригоден для дыхания. По крайней мере, пока.

Борис держался рядом, ствол карабина смотрел вниз — на всякий случай.

— Сначала проверяем периметр, — сказал он. — Потом смотрим, что тут лежит.

Через несколько минут стало ясно: это был не просто склад. Это был пункт экипировки. В шкафах висели скафандры — не громоздкие, а собранные из сегментов, с гибкими соединениями и прозрачными визорами. Рядом стояли контейнеры с маркировкой, которую браслет тут же переводил: «боевой модуль», «сенсорный блок», «система жизнеобеспечения».

Андрей открыл один из боксов и присвистнул:

— Скафандры рассчитаны на разные среды. Видите эти разъёмы? Они могут работать и под водой, и в вакууме. И у них модульная система — можно менять конфигурацию.

Арина подошла к другому шкафу:

— А здесь... оружие. Не огнестрел в привычном смысле. Скорее, энергетические модули. И, судя по конструкции, они тоже адаптируются под среду.

Но самое важное Марк нашёл в самом дальнем углу комнаты. Там, на отдельной полке, лежали тонкие браслеты — точно такие же, как тот, что был у него на запястье. Только эти были неактивны: экраны не светились, символы не двигались.

— Они в режиме ожидания, — тихо сказал Марк, осторожно поднимая один из них. — Чтобы активировать, нужен сигнал главного узла... или уже активный браслет.

Он поднёс свой браслет к полке. На мгновение воздух между ними будто дрогнул, и экраны на остальных браслетах мягко засветились, принимая синхронизацию.

— Работает, — выдохнул Андрей. — Значит, теперь у каждого будет доступ к системе. Без этого мы были слепы. С этим... мы сможем видеть город так же, как его видят его собственные операторы.

Марк протянул браслеты:

— Берите. Но помните: это не преимущество. Это ответственность. Система считывает ваши действия. И если мы начнём использовать эти возможности без понимания, она может решить, что мы — угроза.

Каждый надел браслет. Сначала ничего не происходило. А потом перед глазами у каждого появилась тонкая полупрозрачная сетка — карта сектора, метки объектов, параметры давления и температуры. Арина коснулась воздуха, приближая одну из точек, и система тут же выдала технические характеристики: толщина стен, состав материала, расчётная нагрузка.

Борис хмыкнул:

— Теперь мы не просто водолазы. Мы... операторы. По крайней мере, временно.

Марк посмотрел на стеллажи, на скафандры, на арсенал:

— Этого хватит, чтобы работать безопаснее. Но не забывайте: мы здесь не для того, чтобы брать. Мы здесь, чтобы понять.

\* \* \*

Они быстро, но тщательно подобрали комплекты: скафандры для работы под водой и в потенциально нестабильной среде, модули связи, датчики. Андрей нашёл герметичный бокс для накопителей, куда аккуратно поместил данные с модуля андроида.

Когда они вернулись к шлюзу, Кира уже ждала их на связи:

— Вы там долго ещё? Фон в районе купола снова начал расти. Как будто система что-то проверяет.

Марк коснулся нового браслета на запястье Андрея — связь установилась мгновенно:

— Мы возвращаемся. Но теперь у нас есть снаряжение и доступ. Это меняет правила игры.

Путь обратно был короче: браслеты прокладывали оптимальный маршрут, обходя зоны с нестабильным давлением и участки, где ил мог сдвинуться. В модуле их ждали Виктор и Кира.

Кира протянула каждому по термо-кружке:

— Горячий чай. И бутерброды. Вы выглядели так, будто забыли, что людям нужно есть.

Арина устало улыбнулась, снимая перчатки:

— Спасибо. Я даже не думала, что так устала.

Борис уже раскладывал на столе новые браслеты и скафандры:

— Давайте разберёмся, что мы нашли. Не спеша. По деталям.

Марк сел, положил планшет и посмотрел на команду:

— Сейчас мы не герои, которые штурмуют город. Мы инженеры, которые учатся читать чужую технику. И каждый найденный нами узел, каждый браслет, каждый скафандр — это страница инструкции. И мы должны прочитать её до конца, прежде чем делать следующий шаг.

В модуле стало чуть просторнее, но ощутимо деловитее. На столе лежали скафандры, браслеты, боксы с модулями — и теперь это была не коллекция диких вещей, а рабочий инвентарь.

Арина аккуратно раскладывала комплекты, проверяя маркировку: — Эти два — с усиленной защитой суставов. Подойдут для плотной работы в узких проходах. А этот... — она приподняла один из скафандров, — у него расширенный модуль связи. Если кто-то уйдёт в зону с плохой проводимостью, он сможет держать канал через ретрансляторы в стенах.

Борис крутил в руках браслет, наблюдая, как тонкая сетка меток появляется перед глазами и тут же подстраивается под его движения: — Интерфейс не навязывает. Он предлагает. Смотри: я просто подумал про дроны — и он вывел список совместимых протоколов.

Андрей уже соединял браслет с планшетом, прогоняя быструю диагностику: — Синхронизация с мини-дронами работает. Теперь каждый дрон — не просто камера, а узел сети. Если мы разойдёмся по разным секторам, система будет строить единую карту в реальном времени.

Марк кивнул, не торопясь радоваться: — Значит, мы больше не слепые. Но и не всевидящие. Каждый шаг система фиксирует. Поэтому работаем по плану: сначала разбираем, что у нас есть, потом решаем, куда идём.

Кира, не отрываясь от панели, тихо добавила: — И эти комплекты пригодятся. Не сейчас, так позже. Вдруг придётся разделить или работать в разных режимах.

Арина улыбнулась, прикидывая размеры: — Вот этот — облегчённый, с расширенным спектральным сканером в перчатках. Он подойдёт для детального осмотра: можно будет видеть не только узоры, но и микротрещины, разницу в составах камня. То есть не просто смотреть на стены, а читать их.

Борис хмыкнул: — То есть отличать, где просто барельеф, а где панель управления.

— Именно, — кивнул Марк. — В этой цивилизации «декор» — это инженерия. То, что выглядит как орнамент, может быть схемой распределения нагрузки. То, что кажется алтарём, — это узел контроля.

Андрей разложил боксы с накопителями: — Я ещё раз прогоню данные с модуля андроида. Хочу понять, какие протоколы у этих скафандров. Особенно режимы работы в космосе. Если они действительно рассчитаны на вакуум, значит, скафандры — часть единого комплекса с кораблём. И это пригодится, когда мы доберёмся до него.

Марк посмотрел на браслеты, аккуратно выложенные в ряд: — Активируем только по необходимости. Пусть система не привыкает к тому, что мы все одновременно «в сети». Сначала разберёмся с базовыми функциями, потом будем расширять возможности.

Кира подняла кружку с чаем: — А пока... давайте просто посидим пять минут. Без карт, без схем. Просто команда, которая немного выдохнула.

Все переглянулись и улыбнулись. Даже Борис поставил планшет и взял бутерброд.

\* \* \*

Через некоторое время работа снова пошла, но уже спокойнее, размереннее. Арина примеряла комплект, проверяя, насколько свободно сгибаются суставы и как быстро выводится информация на визор. Андрей прогонял тесты связи: мини-дрон вылетал в коридор модуля и тут же возвращался, принося обновлённую 3D-карту с наложенными слоями давления и температуры. Борис разбирал протоколы синхронизации, отмечая, какие функции открыты, а какие требуют подтверждения главного узла.

Марк стоял у экрана, где медленно выстраивалась общая картина: город, его узлы, маршруты, зоны риска. Браслет на его запястье тихо пульсировал, не мешая, а как будто подстраиваясь под ритм его мыслей.

— Мы не штурмуем, — тихо сказал он, скорее себе, чем остальным. — Мы учимся. И каждый новый комплект, каждый новый браслет — это не сила. Это ответственность. Мы берём их не для того, чтобы быть сильнее города. А чтобы понимать его.

Борис постучал по столу: — И ещё. Я нашёл в описании скафандров упоминание о режиме «пассивного сканирования». Он почти не виден для системы города. Если нужно будет тихо пройти по узлам, не привлекая внимания, — этот режим пригодится.

Марк улыбнулся: — Отлично. Значит, у нас есть и сила, и осторожность. И у нас есть время. Пока таймер стоит, пока система наблюдает, но не атакует, мы собираем знания. И готовимся к тому, что будет дальше.

Марк провёл ладонью по экрану, стирая старую схему и выводя новую — более плотную, с десятками новых меток.

— Теперь у нас есть не просто снаряжение, — тихо сказал он. — У нас есть инструменты для разговора с городом. И мы будем говорить на его языке: через протоколы, через данные, через логику.

Андрей кивнул, не отрываясь от планшета: — Я закончил синхронизацию накопителей. Данные с андроида легли поверх карты, и теперь видно: эти метки на стенах — не декор. Это узлы приоритета. Город сначала обслуживает одни зоны, потом другие. Если мы поймём эту очерёдность, сможем двигаться так, чтобы он нас почти не замечал.

Арина подняла визор скафандра, в котором только что прогоняла тест спектрального сканера: — А я нашла ещё кое-что. В структуре камня есть микро-прослойки — будто кто-то специально закладывал в стены скрытые каналы. Они не для воды и не для воздуха. Скорее, для передачи сигналов. То есть стены сами по себе — это часть системы связи.

Борис постучал по браслету, где мерцала тонкая сетка: — Значит, если мы будем шуметь в одном секторе, город может «услышать» это через стены в другом. Нам нужен «тихий» маршрут. И режим пассивного сканирования как раз для этого.

Кира не сводила глаз с панели: — Пока фон держится в норме. Но я вижу, что в районе купола система снова начала «шевелиться». Не резко, но уверенно. Как будто проверяет контуры.

Марк посмотрел на каждого по очереди: — Тогда действуем по трём направлениям сразу. Андрей, ты с дронами: нужно нанести на карту все скрытые каналы, которые нашла Арина. Пусть дроны работают в пассивном режиме — никаких активных импульсов. Только приём.

Андрей усмехнулся: — Как разведчики, которые не включают фонари. Понял.

— Арина, — продолжил Марк, — ты идёшь с ним, но твоя задача — читать стены. Если увидишь повторяющийся узор, который совпадает с метками из данных, фиксируй. Это может быть ключ к очередности обслуживания.

Арина кивнула: — Сделаю. И перчатки со сканером возьму: они покажут даже микро-смещение слоёв.

— Борис, — Марк повернулся к нему, — ты остаёшься здесь, но не просто наблюдателем. Тебе нужно разобрать эти протоколы приоритета и понять, в какой момент город «осматривает» те сектора, куда мы хотим пойти. Нам нужно попасть туда, когда он будет занят другим.

Борис хмыкнул: — То есть я буду ловить ритм города. Как механик, который слушает двигатель и понимает, когда тот делает вдох, а когда выдох.

— Именно, — подтвердил Марк. — А я пойду в нижний сектор, где мы нашли экипировку. Там стены толще, и, возможно, есть резервные панели. Если город действительно использует стены как сеть, то в таких местах должны быть узлы управления. Не главные, но достаточные, чтобы понять логику.

Кира нахмурилась: — Один?

Марк улыбнулся: — Не совсем. Я возьму с собой один из дронов и буду на постоянной связи. Если фон начнёт расти — сразу назад. Обещаю.

\* \* \*

Команда разошлась по задачам, и модуль опустел, но не затих: экраны продолжали мерцать, дроны тихо жужжали, проверяя калибровку, а Борис уже чертил на голограмме временные окна, когда город «отворачивается» от нужных секторов.

Андрей и Арина двинулись по коридору, где вода стояла по колено, но в скафандрах это не было проблемой: системы терморегуляции и герметизации работали безупречно. Дроны, запущенные в полумраке, не светили, а только принимали отражённые сигналы, строя объёмную карту скрытых каналов.

— Смотри, — Арина провела перчаткой по стене. На визоре вспыхнули тонкие линии — те самые микро-прослойки, о которых она говорила. — Они идут не прямо. Они... ветвятся. Как нервные окончания.

Андрей вывел на экран данные с дрона: — И они совпадают с метками приоритета. Видишь? Вот этот узел — первичный. Он «просыпается» первым. А вот этот — только после проверки нескольких других. Получается, у города есть свой порядок самодиагностики.

Арина прищурилась: — Значит, если мы будем двигаться по «второстепенным» зонам, пока он занят «первичными», он может нас просто не заметить.

В это время Борис в модуле сверял временные метки: — Есть! — он хлопнул ладонью по столу. — В ближайшие сорок минут город будет проверять сектор купола и дальние тоннели. У нас есть окно. Если действовать быстро и тихо, можно пройти по нижним галереям и не попасться на сканирование.

Он отправил координаты Марку. Тот как раз стоял перед массивной панелью в нижнем секторе. Стена здесь была толще, а на поверхности проступали едва заметные концентрические круги — не резьба, а скорее следы креплений.

Марк поднёс браслет к панели. Сначала ничего не произошло. А потом круги мягко засветились, и в воздухе появилась тонкая схема — не карта, а диаграмма потоков.

«Мониторинг: второстепенные узлы. Статус: ожидание проверки...» — вывел интерфейс.

Марк тихо выдохнул: — Вот оно. Это не главный мозг города. Это его дневник. Он записывает, какие узлы уже проверены, какие ждут своей очереди.

Он быстро скопировал данные, не пытаясь ничего активировать. Только чтение. Только понимание.

Через полчаса команда собралась снова в модуле. На столах лежали карты, графики, схемы скрытых каналов и временные окна.

— Мы не взломали город, — подытожил Марк. — Мы научились ходить по нему так, чтобы он нас не замечал. И это важнее любой грубой силы.

Борис постучал по временной диаграмме: — У нас есть сорок минут каждые шесть часов, когда город занят проверкой дальних секторов. Этого хватит, чтобы пройти по нижним галереям, не привлекая внимания.

Арина показала схему ответвлений: — Эти каналы идут почти везде. Если использовать их как ориентиры, можно строить маршруты, которые город просто не считает важными.

Андрей улыбнулся: — А дроны в пассивном режиме вообще становятся невидимками. Они только слушают, не говорят. Идеально.

Кира наконец отложила планшет и посмотрела на всех: — Значит, теперь мы не просто исследователи. Мы инженеры, которые учатся слышать чужой механизм.

Марк кивнул: — Да. И пока мы действуем как инженеры — внимательно, без спешки, без попыток всё сразу подчинить, — город позволяет нам смотреть. А мы смотрим, чтобы однажды понять, как он устроен целиком. И как, если понадобится, его остановить. Или, наоборот, разбудить — но уже осознанно. В модуле было тихо, но тишина эта была напряжённой — не от страха, а от того, что каждый держал в голове по целой куче тревожных мыслей и боялся выдать их раньше времени. На столе лежали распечатки схем, визоры скафандров, браслеты мерцали тусклыми точками, будто тоже прислушивались к разговору.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.